

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2025.31.2.1

EDN: LOMLVS

М.Ф. ЧЕРНЫШ

¹ Федеральный научно-исследовательский социологический центр

Российской академии наук (ФНИСЦ РАН).

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

КАТЕГОРИЗАЦИЯ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ТЕОРЕТИЗИРОВАНИЯ В СОЦИОЛОГИИ¹

Аннотация. В основе формализации знания в науке лежит процесс категоризации. Поиск предмета исследования имеет неперенным условием создание категорий, которые именуют его, определяя при этом его содержание, а также проводят линию разграничения между изучаемым предметом и другими родственными ему категориями. В процессе теоретизирования именованный предмет обретает предикаты — совокупность признаков, посредством которых он обретает границы и внутреннюю, содержательную определенность. Происходит научная институционализация предмета, а далее развитие его описания с помощью сложных предикатов второго и третьего порядков. Таким образом, вокруг предмета формируется структура описания, в которой присутствует группа взаимосвязанных научных категорий. Между структурой теоретических понятий и эмпирическим уровнем исследования возникают сложные взаимодействия, предполагающие смену языковых конструкций и возможную редукцию ключевых понятий к эмпирическим показателям. Противоречие между теоретической конструкцией и эмпирической, индуктивной основой исследования приводило к тому, что во многих случаях само существование предельно высокого, структурно-понятийного уровня научной рефлексии отрицалось. Дополнительным осложнением стало то, что многие категории, которые используются в социологии, имеют метафорический характер, что делает их уязвимыми для идеологических манипуляций. Однако, как показывает практика, социология, как и любая наука, нуждается в высокой теории и общих категориях как платформе, позволяющей сохранять преемственность по отношению к прошлым исследованиям и наблюдать изменения изучаемого объекта.

Ключевые слова: теоретизирование; социологические категории; операционализм; предикаты; социологические метафоры.

Для цитирования: Черныш М.Ф. Категоризация как одна из форм теоретизирования в социологии // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 2. С. 9–28. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.2.1 EDN: LOMLVS

¹ Статья подготовлена при содействии гранта РНФ «Количественные и качественные изменения социальной структуры в постсоветский период (24-18-00450)».

Социологические категории

Формализация знания в любой науке, а тем более в науке общественной, основывается на создании категорий. Этот процесс имеет две взаимосвязанные функции. Первая функция категоризации предполагает именование, или называние, того, что изучается, то есть определение предмета исследования. Исследователю дается свобода формулировать предмет так, как он считает это необходимым, соблюдая при этом требование, с одной стороны, его новизны, а с другой — следования сложившейся научной традиции. Радикальный отход от имеющихся, общепринятых определений предмета в науке не приветствуется, так как затрудняет понимание того, что исследуется, и того, какой из существующих традиций принадлежат подходы автора. Если предмет исследования определен туманно, то и представляемая работа, ее научная ценность сразу же подпадают под сомнение: а действительно ли за этим определением присутствует реальная проблема, реальная коллизия, нуждающаяся во внимании ученых?

Вторая функция категоризации заключена в различении. Именование выделяет предмет из других возможных предметов, очерчивая тем самым границы исследовательского интереса. Таким образом, в самом понятии «категория» заключены как объединительное начало, так и начало разъединения изучаемого от того, что находится за его рамками. Не надо далеко ходить за примером. Сторонники классовой теории создают теоретические построения, ставя в их центр понятие «класс». Оно имеет не одно, а несколько определений, которые различаются существенным образом. Класс позволяет обнаружить в обществе людей, находящихся в схожей социальной ситуации, но, в чем это сходство состоит, решают исследователь и та теоретическая программа, которая ему наиболее близка. Если «класс» определяется по Марксу, то нет ничего удивительного, что в основе определения будет лежать критерий частной собственности на средства производства. Если же «класс» трактуется по Макс Веберу, то, помимо марксова критерия, используется критерий положения на рынке труда. В этом случае, вводя многомерное определение класса, Вебер предлагал фиксировать более тонкие и, возможно, более значимые с точки зрения повседневной жизни различия: уровень квалификации работника, уровень оплаты его труда, мировоззренческие характеристики, которые сопутствуют этим различиям и выражены в стилях жизни. В веберовской схеме различительные линии проходят не только между крупными собственниками и наемными работниками, но и между разными квалификационными группами. Таким образом, класс — это не единичный объект, такой как Луна или Марс, а совокупность людей, имеющих схожие социальные характеристики, при этом набор этих характеристик определяется исследователем.

Приверженность определенным категориям позволяет структурировать социологическое поле, поделить его между адептами разных взглядов, по-разному видящих роль общественной науки. Если ученый представляет академическую науку, то используемые им категории будут, скорее всего, прочно укоренены в соответствующих традициях и обрамлены соответствующими сносками. Если же исследование преследует прикладные цели, например производит электоральную информацию, то, скорее всего, в нем будут задействованы в большей степени категории, которые относятся к области политики, подразумевающие сходства

и различия между разными кандидатами или политическими партиями. Иными словами, категоризация как процесс обнаружения сходства или различия в изучаемой реальности в значительной степени зависит от того, какие цели преследует социолог, какие задачи решает его исследование.

Предикаты в речевом акте

Известный философ Джон Серль, продвигая собственную теорию институтов, ставил во главу угла речевой акт именования [21]. Если, к примеру, в рамках существующего социально-политического порядка мы называем кого-то президентом страны, то это неминуемо задействует заключенные в социальных институтах механизмы символического признания, власти и принуждения. Таким образом, клятва на Конституции или Библии — это не просто формальный ритуал, предваряющий вступление в должность, а совокупность условий, предшествующих акту именования, имеющему вполне ощутимые последствия для всей системы государственных институтов. Разумеется, далеко не каждый гражданин может произнести подобное утверждение так, чтобы оно имело такие последствия. Необходимо, чтобы именование подобного рода производилось в установленном контексте, определяемом множеством правил, и завершало серию предусмотренных Конституцией процедур. Если же эти условия не соблюдены, то акт не имеет каких-либо значимых последствий. Иными словами, важно не только то значение, которое имеет акт именования, но и сила, в данном случае институциональная, которой он обладает. Таким образом, любой речевой акт контекстуален, и только в контексте он обретает ту силу, за которой следует действие. В политическом контексте речевой акт насыщается силой в политической борьбе, наполненной аргументами в пользу того или иного кандидата. По мере того как борьба идет к своему предусмотренному правилами завершению, акт именования получает направленность, определенность в том, что касается конкретной персоны и процедуры. Таким образом, речевой акт становится эффективным высказыванием только тогда, когда имеет четкие контекстуальные границы и тот смысл, который изначально в нем заложен. Политическая аналогия была необходима для того, чтобы подчеркнуть общие правила, в которых именование становится значимым, обретает тот смысл, с которым производится. Можно, разумеется, утверждать, что именование предмета исследования не тождественно речевому акту. Однако сходство есть: исследователь не просто называет предмет, он подразумевает, что за этим именованием последует целый ряд действий, имеющих познавательный характер. И здесь налицо «сужающая» интенциональность, позволяющая исследователю определить границы той реальности, на которую будет направлен его взгляд, и ту глубину, которая будет соответствовать намечаемому ему действию по получению научной истины.

Аристотель, которого можно считать родоначальником категоризации, полагал, что технически отличить любой объект от любого другого можно, задав систему категориальных координат [2]. Мы можем сказать, что трава зеленая, а человек высокий, и это сразу помогает нам воссоздать в нашем воображении то, о чем идет речь. Если бы не было предикации, то трава оставалась бы общим понятием с предельно широким значением, абстрактной категорией, референциальной по отношению к бесчисленному множеству ситуаций. Трава может быть высокой

по пояс, жухлой, высохшей под горячим солнцем, растущей во дворе, на лугах или в поймах рек. Иными словами, предмет исследования получает определенность тогда, когда мы наблюдаем его свойства, когда используем для придания ему определенности предикаты. Они задают предмету глубину, формируют пространство, в котором предмет становится видимым.

Поскольку речь идет о сложной реальности, каковой является общество, первые приближения к предмету через систему предикатов зачастую выглядят как упрощение. Для социологов имеет значение тот факт, что современная логика нашла определение Аристотеля недостаточным для полноценной характеристики субъекта. Готлоб Фреге выдвинул предположение, что предикация не ограничивается лишь набором описательных характеристик, а претендует на то, чтобы помещать субъект в определенный теоретический контекст [10]. Помимо первого уровня предикации (описательные характеристики), существует второй уровень, который определяет отношение субъекта с каким-либо другим субъектом. К примеру, говоря о человеке, можно определять его через родственные отношения. Мы говорим, что Иван — сын Сергея, и тем самым делаем утверждение, которое помогает понять, о ком идет речь. Подобное именование предполагает существование семьи, а внутри семьи — разных поколений, которые тем не менее находятся друг с другом во взаимодействии. На третьем уровне предикация предполагает более широкий круг категорий, которые связаны друг с другом внутренней описательной логикой. Если говорим, что Иван — сын Александра и Марьи, то выстраиваем более сложную конструкцию, которая еще более конкретизирует понимание того, кто Иван и какое он имеет отношение не только к своим родителям, но и к нам, внешнему наблюдателю, занятому категоризацией, то есть созданием понятийного ряда, который ляжет в основание социологической теории.

Заявляя предикаты разного уровня, социолог приближается к построению той сложной конструкции изучаемого явления, которая для социологов-эмпириков становится одним из этапов теоретизирования. К. Халл, один из сторонников эмпиризма в социальной науке, настаивал на том, что наличие статистических конструкций, в которых предикаты явления связаны в единую систему, вполне может выступать заменой более высоким уровням теоретизирования: «Если в вашем уравнении обнаружилась связь от предваряющих условий к последующим и т. д., зачем нужны, если нет очевидного вреда, несколько уравнений вместо одного?» [18, р. 284]. Создания сложных уравнений, в которых предикаты связаны друг с другом, достаточно, полагал Халл, для того, чтобы объяснить наблюдаемое явление и его изменения. Но каково происхождение категорий, находящихся друг с другом во взаимосвязи? Прежде чем уравнение построено, необходимо понять, какие переменные войдут в него и в каком качестве.

Операционализация как форма теоретизирования

Конструирование на основе имеющихся категорий дает возможность обеспечить теоретическим представлениям об объекте референциальность, то есть соотношение объекта с той действительностью, которая изучается. Для того чтобы референциальность могла считаться установленной, необходимы три условия.

Во-первых, как говорилось выше, именование объекта и те категории, посредством которых он воспроизведен в контексте исследования, должны соотноситься с одной из научных традиций. Речь идет о научной экзегетике, без которой не обходится ни одно мало-мальски надежное исследование. Именование производится с учетом той научной программы, которая исторически сформировалась внутри дисциплины, в данном случае внутри социологии. В этом рассуждении содержится отсылка к понятию научно-исследовательской программы, которое использовалось применительно к науке Имре Лакатошем. С нашей точки зрения, это понятие более предпочтительно при рассмотрении предмета, чем понятие научной парадигмы, которое популяризировал Томас Кун. Парадигма — это в большинстве ее определений в книге Куна (а их около 20) общая схемата исследовательской деятельности, по поводу которой ученые соответствующей дисциплины пришли к согласию. Парадигма имеет принуждающее свойство: ученые, пытающиеся бросить ей вызов, оказываются в сложной ситуации, рискуют своим положением в университетской или научной среде.

В определении научно-исследовательской программы Лакатошем социальный аспект научного согласия смягчается. В любой программе присутствует ядро идей, которые разделяют большинство ученых, но неизбежно возникают и так называемые «дополнительные» гипотезы, ставящие под сомнение некоторые положения ядра и доказывающие обоснованность отмеченных расхождений с ним. Если Карл Поппер считал, что любое научное утверждение, не получающее подтверждения в эксперименте, должно быть отвергнуто с порога, то Лакатош призывал к осторожному обращению с идеями, ведь большинство тех теоретических программ, которыми оперирует наука, возникли не на пустом месте, и нет необходимости отвергать ньютоновскую физику сразу же после того, как подтвердились некоторые положения теории относительности.

Итак, именуя предмет, исследователь принимает как исходные некоторые из тех научных теорий, которые бытуют в его научной дисциплине и подкреплены результатами исследований. Именуя предмет, исследователь принимает не полностью, но в главном те «правила игры», которые сложились в его дисциплине. Предмет исследования, как только он именован, обнаруживает сложившуюся систему предикатов, рассматриваемых как необходимые для его описания. Подчеркнем, что предикаты могут разниться в широких пределах в зависимости от выбранной исследовательской программы, а таковых в социологии несколько, но, однажды выбрав теоретический контекст, исследователь должен в той или иной степени ему следовать.

Во-вторых, предикаты должны соответствовать принципу полноты описания, предусмотренному исследовательской программой. Полнота воспроизведения может быть достигнута только в тех границах, которые изначально продиктованы исходными теоретическими посылами, то есть исследовательской программой. К примеру, ставя целью изучить структуру общества, исследователь вправе выбрать в качестве опорных понятия «класс» или «страта». В первом случае понятие вписано в марксистскую, или конфликтологическую, исследовательскую программу. Полнота описания классовой структуры предполагает присутствие в определении ключевого понятия отношения к собственности на средства производства, присутствие на рынке труда, наличие необходимых для этого знаний, навыков

и компетенций. Лакуна, исключаящую какую-либо из указанных характеристик, будет рассматриваться в рамках программы как недостаток, как несоответствие концептуальному ядру и, следовательно, как нарушение принципов необходимости и достаточности в описании предмета. Следует отметить, что в некоторых случаях полнота описания может широко варьироваться. Говоря об общественном сознании, можно иметь в виду ценности, установки или верования, но при этом исследователь имеет право выбрать любую из компонент и остановиться на ней, оставив остальные за рамками проекта.

Не так-то просто определить, соблюдая принцип полноты, такой предмет, как культура. В подсчетах К. Клакхона, именование «культура» имеет в общественных науках 60 или даже более определений, причем они характеризуются разным уровнем абстракции и разным соотношением с областями манифестации [19]. В антропологии, к примеру, бытует, помимо прочих, предельно широкое определение культуры, одним из вариантов которого является определение Дж. Фрэзера: культура как способ действия [11]. В сильной культурной программе, предложенной Дж. Александером, заявлена идея культуры как автономной сферы жизни и переменной, чувствительно влияющей на другие сферы жизни. В трудах С. Хантингтона культура — это верования и нормы, связанные между собой, способные создавать или, напротив, «гасить» стимулы развития в целом или в одном из направлений [12]. В экспериментальном фрейме Александер сужает понятие культуры до совокупности установок, проявленных в области политики [1]. Такая трактовка культуры вряд ли нашла бы понимание у Пьера Бурдьё, для которого культура — это образцы поведения, итожащие жизненный опыт, вкусы и предпочтения в области потребления [13]. Из этого следует, что смысловой объем понятия культуры широк и что понятие полноты к этому показателю неприменимо до того момента, пока исследователь не сузил ракурс зрения с предельно широкого абстрактного уровня до уровня конкретного эмпирического исследования.

В-третьих, соотнесение с изучаемым реальным объектом помогает выработке гипотез и в итоге утверждения об истинности получаемого результата. Одно из классических определений истины как раз и состоит в соответствии, наблюдении связи между представлениями о мире и присутствующими в нем объектами. Подобный подход к истине и референциальности может показаться устаревшим. В современных исследованиях принцип корреспондирования неоднократно подвергался критике. В его непреложности сомневались даже сами его основатели. Так, Галилей полагал, что некоторые понятия невозможно уложить в прокрустово ложе эксперимента, — например, инерция, являющаяся одним из важнейших понятий физики, — это продукт «насилия» над когнитивным порядком. В современной науке объектов, которые невозможно наблюдать, для которых принцип соответствия непригоден, становится все больше. Их реальность устанавливается косвенным путем, поэтому прямая референция от объекта наблюдения и обратно невозможна. И все же при всей критике принципа соответствия полностью отказаться от него невозможно потому, что он составляет фундамент науки как таковой, обеспечивает научным результатам верифицируемость и воспроизводимость.

Если резюмировать, в общественной науке, как и в других, могут сосуществовать разные формы соотнесения с объектом наблюдения. В одних случаях референциальность устанавливается исключительно в теоретическом контексте,

соотносимость — как соотношение между разными теоретическими конструктами, в других референция предполагает конкретный объект, который можно и необходимо определить, используя для этого соответствующие категории. В этом случае именование и его объект вступают между собой в тесные отношения, формирующие в том числе смысловые границы предмета исследования. Одно дело — обсуждать понятие культуры как важной сферы, производящей всевозможные образцы поведения, другое дело — изучать культуру, придавая этому понятию необходимую предметность. В данном контексте оправдано, к примеру, сужение понятия культуры до поддающейся наблюдению системы ценностей. Исследователь идет на это сознательно, потому что только так он может обосновать эмпирически процесс эволюции ценностей от одного поколения к другому, доказать различия в способах видения мира в разных культурах. «Знания можно получать только о реально существующих объектах, — утверждает российский философ В.А. Лекторский. — Знания могут расти, при этом в чем-то изменяться, обнаруживая свою неполноту или даже ошибочность в некоторых отношениях, как это происходит в случае познания любых объектов. Поэтому меняются наши знания о таких объектах, как атом и элементарные частицы. Что же касается идеализированных теоретических объектов, то о них невозможно получить новое знание, их содержание жестко зафиксировано самим актом их конструирования. Эпистемологический конструктивизм, пытающийся приравнять все теоретические объекты к чистым конструкциям теоретика, не имеющим отношения к независимой от познания реальности, не может объяснить различие поведения исследователя в отношении двух типов теоретических объектов и вообще характер развития теоретического знания» [7, с. 19–20].

Из этого вытекает вопрос, звучащий вполне радикально: существует ли объект исследования за пределами вводимых в процесс его изучения категорий? Следует сказать, что подобный «квантовый» вопрос ставится в науке не впервые, и поставлен он был наиболее остро не в общественных науках, а в физике. В 1927 г. американский физик Перси Бридгмэн опубликовал работу под названием «Логика современной физики», в которой изложил собственные взгляды на современную науку [15]. Если мы расширим наше понимание, писал он, то придем к выводу, что природа по своей сущности и в основных элементах человеком быть понята не может и не подчиняется никаким законам [14, р. 392]. К этому выводу его привела специальная теория относительности Эйнштейна, утверждавшая, что одновременность событий, происходящих в одном месте, имеет иное значение, чем одновременность событий, происходящих на отдалении друг от друга, в масштабах космоса. Каково в этом случае значение ключевого понятия «одновременность»? Действительно ли оно необходимо для описания столь разных, различающихся качественно ситуаций? По мнению Бридгмэна, шок, который произвела в сообществе физиков теория относительности, был вызван не столько ее парадоксальными выводами, сколько дефектами понятийного аппарата, устаревшего к тому времени и непригодного для познания новых явлений. Не менее сомнительным, по мнению Бридгмэна, выглядело в теории относительности понятие «длина». Если длина изменяется в зависимости от скорости объекта, то можно ли принять ее универсальный характер? Таким образом, создание категорий должно быть конкретизировано или контекстуально ориентировано. Только в этом случае можно

надеяться на сближение категориального пространства с конкретным объектом, или, иными словами, на референциальность как самого исследования, так и его результатов. Бридгмэн, по сути, подвергает сомнению онтологический статус самых общих кантовских категорий, посредством которых люди познают окружающий мир. В каком-то смысле он опередил время, заявив дробный постмодернистский взгляд на мир как на фрагментированную реальность, параллельное существование самостоятельных дискурсов.

Похожие идеи находим в работах философа науки Р. Карнапа [5]. Настоящим доказательством науки он признавал наличие у любого понятия, любой используемой в научном анализе категории наблюдаемого референта в окружающем мире. Если же этот референт не обнаруживается, то рассуждение, полагал он, имеет не научный, а метафизический характер. Метафизика, с его точки зрения, выраженная в замкнутости теоретических рассуждений, широко представлена в философии и других общественных науках. Продукты умственной деятельности, какой бы сложностью они ни обладали, не могут рассматриваться как познание в подлинно научном смысле этого слова. Эти рассуждения Карнапа столкнулись с необходимостью объяснить то, что никак не вписывалось в эмпирическую логику, а именно математику и ее категории. Можно ли рассматривать математические категории как причудливую игру ума, «метафизику», или математические формы могут рассматриваться как инвариант процессов и явлений материального мира? Если бы математические конструкции были только метафизикой, тогда не существовало бы прикладной математики, помогающей создавать проекты машин и объяснять явления в далеком космосе. Понимая ограниченность жесткой эмпирической трактовки науки, Карнап предположил, что категории, которые используются в объяснительных схемах, обретают реальность в структурах. Именно понятийные структуры (здесь явно обращение к наследству Г. Фреге) могут рассматриваться как преодоление метафизики, как организованное семантическое пространство, сообщающее теории объяснительную силу.

Категоризация в операциональном измерении

Среди тех, кто подверг операционализм П. Бридгмэна жесткой критике, был и Питирим Сорокин. В работе «Модные течения и слабости современной социологии» он посвятил распространившемуся операционализму целую главу [23, р. 51–68]. Сведение всей познавательной функции общественной науки к операционализации, привязанной к лабораторному эксперименту, он считал предельным сужением функции общественной науки: «Провозглашенный Бридгмэном и другими операционализм заманил в ловушку целый сонм социологов и психологов, отчаявшихся найти легкий и надежный метод познания в той области, которой они занимаются. Престижность и простота предлагаемого решения были приняты ими как благодатный ответ на их молитвы. Как всегда, не изучив подлинную природу операционализма, не изучив его подлинную роль в прогрессе естественных наук, не определив его ограничения и сомнительные подходы, забывая о роли чистой интуиции, дедукции и неоперациональной индукции в развитии науки и знания, наши социологи, психологи и антропологи обратились в убежден-

ных “операционалистов” и принялись с усердием применять операциональный метод в изучении социальных, культурных и умственных явлений» [23, р. 32]. Сорокин увидел в операционализации попытку свести общественную науку к одной лишь базовой функции — к получению знания с помощью опросного или экспериментального метода. Между тем наука несводима только к уровню эмпирического исследования и не может в этом качестве производить категории описания объекта *sui generis*. В науке обязательно присутствует и играет важную роль логическая дедукция, без которой обращение к эмпирической реальности не имеет очевидного смысла. В любом исследовании, полагал Сорокин, помимо эмпирической составляющей, невидимо присутствуют и высшие по отношению к ней смыслы, представленные категориями, которые невозможно проверить, но которые от этого не становятся менее ценными для познавательного процесса. Одна из проблем операционального метода в том, что он ищет доказательность вне теоретизирования, истину вовне логических операций, обнаруживающих связь изучаемого объекта с более широким кругом явлений. В качестве примера неудачной операционализации, то есть категоризации, ограниченной эмпирическим контекстом, Сорокин приводит исследование Клиффорда Киркпатрика, приравнявшего «счастье и адаптацию в семейной жизни» к той оценке, которую дают семейной паре ее друзья. Счастье — это категория общего плана, которая суммирует опыт отношения одного человека с другим и не может быть наблюдаема извне, пусть даже близкими друзьями. Сложное явление Киркпатрик сводит к одному косвенному свидетельству, которое нетождественно общему понятию. Проблема Киркпатрика в том, что он нарушил принцип полноты описания, редуцировав явление к одному признаку, не имеющему субстантивности, прямой связи с логическим субъектом исследования.

В рассуждениях Сорокина остро ставится вопрос о месте теории и логической дедукции по отношению к эмпирическому исследованию. Может ли социологическое исследование обходиться без теоретической основы, системно организующей категории, используемой для описания объекта? На этот вопрос Сорокин дает отрицательный ответ, полагая, что в современной общественной науке разные уровни теоретизирования связаны между собой и, только взаимодействуя друг с другом, могут производить тот категориальный аппарат, который имеет объяснительную силу. Эта идея связанности разных уровней познания восходит к кантианским идеям об априорности общих категорий для упорядочивания эмпирического уровня. Информация была бы не только хаотична, но и по большому счету бесполезна потому, что только организованные ключевыми понятиями данные могут дать общую картину поверх хаоса. Категории «пространство» и «время» служат этой цели и, кроме прочего, обеспечивают базис для развития естественных наук. В общественных науках логико-дедуктивный уровень теоретизирования играет примерно ту же роль, организуя эмпирические данные, обеспечивая их согласованность вокруг ключевых категорий. Как в сознании человека, так и в естественных науках эти категории не существуют по отдельности, они связаны между собой, валидизируя друг друга, формируя системное видение объекта исследования. Можно, к примеру, попытаться определить качество семейной

жизни, используя один-единственный показатель, но, в конце концов, результат на выходе окажется редуцированным *ad absurdum*, вызывая недоверие именно тем, что берется вне контекста, вне глубокого понимания социальной реальности.

Вернемся к идеям Г. Фреге и его предположениям о логических конструкциях, которые приближают нас если не к истине, то к существующему положению вещей. Необходимо признать, что, вопреки утверждению Л.Н. Толстого, сделанному в «Анне Карениной», семейное счастье имеет разные определения в разных социальных ситуациях и каждому из этих определений соответствует собственная система связанных друг с другом описательных категорий. В понимании Э. Гидденса, например, истинная функция современной семьи заключена в интимности, которая трактуется как взаимопонимание, сочувствие, эмпатия, стремление к взаимопомощи, взаимораскрытие [17]. Семья, полагает Гидденс, утратив многие из тех функций, которые были присущи ей в прошлом, обрела или усилила ту функцию, которая позволяет современному человеку выживать в тесном, индивидуализированном обществе. Исходя из этого понимания, создание категорий, соотносящихся с понятием «счастье», будет принципиально иным, чем в исследовании К. Киркпатрика. Можно предположить, что в современных обществах понятие «счастье» имеет и другие определения, более традиционные, такие, например, как наличие детей или создание общего предприятия, в котором оба супруга реализуют свои планы. Достаточно ли этой разницы, чтобы аннулировать само понятие счастья и сделать его более операциональным, привязанным к конкретной ситуации? Не будет преувеличением сказать, что, несмотря на многообразие возможных жизненных ситуаций, понятие «счастье» имеет значение не только в субъективном плане, но и как стержневая субстантивная категория, дающая возможность сформулировать исследовательскую программу, задающая ей общий исследовательский вектор. Попытка раскрыть это понятие посредством операционализации, через систему показателей, не снимет необходимости рефлексии о счастье как желаемой цели не только индивида, но и общества. Эта идея лежит в основе утилитаризма в разных его изводах: счастье в нем рассматривается как важнейшая цель общества, как императив, побуждающий к изменению человеческого состояния. Именно об этом пытался сказать Питирим Сорокин: счастье — это то, что не всегда улавливается грубой системой показателей и нуждается в более сложной системе категорий, которые к тому же связаны друг с другом. Общее не отменяет частного, но и частное не имеет приоритетных прав по отношению к общим смыслам. При этом самые общие системные понятия не исчерпываются их операциональными определениями, но и не отменяют необходимости изучать их конкретные воплощения.

Проблема смысловой редукции

Можно предположить, что существуют категории, которые имеют широкий смысловой охват, относятся к столь протяженным отрезкам времени и обширным территориям, что не поддаются редукции к уровню проверяемости эмпирическим исследованием. В «Социальной и культурной динамике» П. Сорокин приводит типологию суперсистем, сменяющих друг друга в истории, — чувственной, идеа-

листической и идеациональной. Он называет основные характеристики каждой из систем, не оставляя сомнения в том, что в настоящее время человеческая цивилизация находится в чувственной фазе, материалистической по природе. В этих обществах преобладает в когнитивной области ориентация на научный способ познания реальности, а в повседневной жизни — ориентация на комфорт и сопутствующее ему потребление. Столь широкие понятия, как «система», «цивилизация», удобно расположенные на предельно высоких уровнях анализа, крайне неохотно дробятся на частности. Противоречия между разными уровнями социологической рефлексии наглядно иллюстрируются полемикой между двумя классиками современной социологической теории — Талкоттом Парсонсом и Альфредом Шюцем [22].

Шюц, один из основателей современной феноменологической школы, испытывал скепсис по отношению к социологическим макроконструктам, не имеющим прямых референтов в жизни живых людей. Внимательно изучив книгу Т. Парсонса «Теория социального действия», он пришел к выводу, что высокая теория не соотносится напрямую ни с чем из того, что происходит на микроуровне, и не способна пролить свет на то, как в действительности живет общество. «Любое действие, — писал Шюц, — это процесс, разворачивающийся во времени. Таким образом, временная категория — важнейший элемент общей схемы. Понятие “цели” уже подразумевает “достижение”, “реализацию задуманного”, “успешное завершение” относится к состоянию, которое еще не установилось, но которое должно быть установлено действующим актором. В сознании актора цель должна предшествовать выбору средств к ее осуществлению, она определяется в конкретной ситуации. Физическое время — это способ, которым связываются события в пространстве. Время действия — это способ определить взаимоотношения между средствами, целями и другими элементами совершаемого действия. Это означает, что у каждого актора есть выбор и целей, и средств их достижения. А это, в свою очередь, означает, что возможна “ошибка” — невозможность достичь целей или правильно выбрать средства для их достижения. Таким образом, реальность, в которой происходит выбор, субъективна. Она имеет дело с явлениями в той форме, в которой они явлены актору» [22, р. 14]. Логика рассуждения Шюца примерно такая же, как и Бридгмена: цели социального действия определяются индивидуальной рефлексией и могут быть изменены по мере того, как происходит процесс их реализации. Тонкое взаимодействие между целями и средствами их достижения тоже конъюнктурно и может меняться точно так же, как и все, что делает индивид. И самое главное — смысловая подвижность понятий, которые использованы для описания социального действия, заставляют усомниться в возможности наблюдения того общества, которое представлено в теории структурного функционализма. Шюц надеялся на то, что его письмо станет началом продуктивного обсуждения возможностей и границ социологического теоретизирования. Однако у Парсонса, имевшего уже к тому времени широкое признание, критика Шюцем его ключевых идей вызвала крайнее раздражение. Надежды Шюца не оправдались, а встреча с Парсонсом, на которую он рассчитывал, так и не случилась. Вопросы, которые он поднял в письме, тем не менее остались. Всегда ли можно редуцировать общие системные категории к тому уровню, когда они могут стать организующей основой эксперимента?

Тотальность общих подходов и возможности редуцирования

Одно из препятствий, заставляющих отказаться от операционализации ключевых категорий, заключено в характерной для предельно высокого уровня рефлексии тотальности. Общество или иной объект рассматривается как целостность, а существующие дифференциации внутри объекта объясняются либо функциональной необходимостью, либо их комплиментарными характеристиками по отношению к тотальности. Категориальное описание, ориентированное на познание объекта как тотальности, обладает, как правило, свойством непереводимости на язык эксперимента. В этом смысле показательна дискуссия, развернутая двумя американскими социологами — Кингсли Дэвисом и Уильбертом Муром, по поводу выдвинутой гипотезы о функциональной значимости социальной дифференциации [16].

Действуя в русле парсонсианской теории социальных систем, они выдвинули гипотезу о том, что социальное неравенство является продуктом атрибутирования социальной значимости. Если какой-либо специалист получает более высокие доходы, чем все остальные, то это свидетельствует, что его работа или он сам как индивид более важны для социальной системы, чем те, кто менее успешен в материальном плане. При этом функциональная значимость может варьироваться в зависимости от того, в каком состоянии находится социальная система и каковы ее отношения с другими системами, другими обществами. В мирное время для системы важны инженеры и священники потому, что на их плечах лежат важнейшие задачи технологического развития общества и его сплочения. В военное время вырастает значение военных, на которых лежит ответственность за само существование общества и перспективы. Эти идеи были немедленно подвергнуты жесточайшей критике социологами-марксистами и, в частности, Мелвином Тьюминым, задававшим авторам острые вопросы [25]. Означает ли сказанное Дэвисом и Муром, что рабочие, занятые на предприятии, менее важны для производства, чем управляющие? И если нет, то почему рабочие получают заработную плату намного меньшую, чем управляющие? Какова функциональная значимость тех, кто не получает, а наследует состояние и прозябает в праздности? Действительно ли специалисты получают более высокую заработную плату потому, что терпели в отличие от работающих сверстников материальные ограничения во время учебы? Данные исследования говорят об обратном: студенты из богатых семей имеют более высокие доходы, чем их работающие ровесники. Концепт функциональной значимости составил основу сюжета известного литературного произведения — романа “Atlas shrugged”, изданного у нас под названием «Атлант расправил плечи». Американская писательница Айн Рэнд вывела ситуацию, в которой управляющие и собственники совершают исход из общества с тем, чтобы продемонстрировать рабочим пороки побеждающего социализма. В романе, слабom в литературном отношении, идея функциональной значимости превращена в идеологию, оправдывающую неравенство в его крайних формах. Побудила ли социологов опасность идеологической ловушки к тому, чтобы отказаться от понятия «функциональная значимость», предать его полному забвению? Несмотря на аргументы его противников и очевидную идеологическую ангажированность,

оно сохранилось в обороте общественной науки, хотя не является более предметом острых дискуссий. И дело здесь не в самой категории функциональной значимости, а в том, что любая тотальность, заявленная каким-либо понятием, может трактоваться не только как инструмент познания, но и как краеугольный камень идеологии, служащей либо оправданию существующего социального порядка, либо его ослаблению.

Метафоричность как нередуцируемая теоретическая интуиция

Одна из сложностей, которые возникают в ходе теоретизирования на его самом высоком уровне, связана с его метафоричностью. Многие из громких идей, которые актуальны в общественных науках по сей день, заявлены в форме метафор, интерпретация которых в эмпирическом ключе является крайне непростой задачей. Взять хотя бы такое понятие, как «общественный договор» — понятие, которым Ж.-Ж. Руссо и Дж. Локк характеризовали отношения общества и государства. Проверить эту идею на эмпирическом уровне затруднительно, если вообще возможно. Каково содержание договора? Кто представлял высокие договаривающиеся стороны? В какой момент договор был парафирован или утвержден? Все эти вопросы покажутся социальному философу досужими, говорящими об узости мышления и профессиональном кренинизме вопрошающего. Речь идет, безусловно, о тропах, обобщающих представления о состоянии современного общества и его природе. Для социологов, убежденных в необходимости доказывать каждое суждение экспериментально, метафорическое мышление может быть поводом для разочарования. И действительно, если мы не можем отыскать следов этого договора в повседневной жизни людей, то существует ли он вообще?

Не менее сложным для интерпретации оказывается и понятие «текущее общество», которое ввел в оборот Зигмунт Бауман. Если речь идет о текучести, изменчивости социальной жизни, то как можно понимать эту метафору применительно к жизни конкретного человека? Как проявлена текучесть в повседневной жизни, которая наполнена рутинными, часто автоматическими действиями? Между тем никто не оспаривает тот факт, что природа общества подвержена глубоким изменениям, которые происходят в более короткие сроки, чем прежде, и которые сказываются на жизни граждан, хотя и в разной степени. Иными словами, метафорический способ социологической рефлексии имеет право на существование потому, что позволяет ухватить суть используемой аргументации, резюмирует ее в коротком, емком именовании. Однако с точки зрения логического позитивизма подобные понятия лишены субстанции, то есть относятся скорее к метафизике, чем к науке. Взять хотя бы такой веберовский конструкт, как «идеальный тип». В социальной жизни он обнаруживает себя не целостно, а в отдельных признаках, которые волюнтаристски собраны вместе и связаны в единый пакет рефлексирующим социологом. Насколько обоснованы те логические операции, которые совершает социолог, созидая своего «голема», и не вводит ли он таким образом коллег и читающую публику в заблуждение?

В метафорическом теоретизировании широкие возможности открываются для научной интуиции, для догадок о природе социальной реальности. Производимые интуицией категории поначалу выглядят сомнительно, но затем входят в научный оборот общественной науки, формируя ее стандартный понятийный аппарат. Характеризуя наследие Роберта Мертон, Л. Козер отмечает, что одним из признаков его особого статуса в общественной науке стало терминологическое творчество, создававшее адекватную основу для описания социальных феноменов современного общества: «Важнейший аспект его способности проникать в суть явлений, используя “глину” повседневности, — это его удивительный талант создавать новые социологические термины и категории. Именованье значит создавать Мир как начало всех наблюдаемых явлений. Поэтому понятно, что мир, наблюдаемый социологами, приобрел новое качество, когда в нем обрели свою жизнь такие понятия, как “ролевой репертуар”, “интуитивное озарение” (Serendipity), “эффект Матфея”, “самосбывающаяся реальность”, и всё, всё, всё, что стало знакомой обстановкой социологической рефлексии. Эмпиризм, который не опирается на теорию, скользит по поверхности социальной реальности. Концептуальное именованье, которое осуществлял Мертон, позволяло проникать в существо изучаемых явлений. Мертон — один из наших передовых производителей социологического аппарата, позволяющего охватить изучаемое явление» [24, p. 9].

Методологический индивидуализм как решение проблемы перехода

Мертон не просто создавал категории, не имеющие прямых эмпирических референтов, он был одним из тех, кто всерьез занялся проблемой структуры теоретического знания, расположив между «интуитивным прозрением», обобщающей метафорикой и эмпирическим исследованием «промежуточное звено» — теорию среднего уровня. Одна из важных задач теории среднего уровня состоит в том, чтобы создавать теоретические фреймы для конкретных исследовательских ситуаций. Если на самом общем уровне рефлексирования находят отражение общие тенденции и долговременные ситуации, зачастую без всякой связи с тем, что происходит в конкретном обществе, то в теории среднего уровня предметом осмысления становится «хронотоп» — ситуация, которая складывается в определенное время и в конкретном месте. Раймон Будон продолжил традицию Мертона, выбрав для «срединного уровня» рефлексии иной термин — «методологический индивидуализм» [3].

Будон полагал: дело здесь не в том, что общие теории неверны, а в том, что любые общие подходы и применяемые в них категориальные модели в ходе эмпирического исследования неизменно подвергаются уточнению. По итогам анализа открываются специфические обстоятельства, позволяющие достичь глубокого понимания и уточнения используемых в общей теории категорий. Наиболее ярко эти различия проиллюстрировал Карл Маркс в двух работах — «Манифест Коммунистической партии» [9] и «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» [8]. В «Манифесте» он выдвинул ключевой тенденцией и одновременно двигателем

развития борьбу социальных классов. Внутри каждой общественно-политической формации есть два класса-антагониста, при этом интерес одного из них состоит в том, чтобы удерживать господство, заняв ключевые точки в измерениях власти и собственности, а интерес другого заключается в том, чтобы ослабить или разрушить систему господства правящего класса, расширяя через систему новых институтов пространство свободы. В «Восемнадцатом брюмера» в хронологическом порядке исследуется становление авторитарного режима во Франции, понятие «класс» тоже используется, но трактуется оно совсем не так, как в «Манифесте». Позиции классов, даже тех, в рядах которых преобладали сторонники демократии и свободы, выглядели амбивалентно. Противоречивую и непоследовательную позицию по отношению к грядущему перевороту заняли рабочие, остановившие свои требования на создании рабочих касс. Как оказалось, рабочие — при том что они по общим положениям марксистской теории составляли ядро пролетариата — далеко не всегда готовы выступать с политическими требованиями демократического характера, а в некоторых случаях склонялись к поддержке тех политических сил, которые на этом конкретном этапе жизни обеспечивали социальный порядок. Противоречивой, непоследовательной в политическом плане оказалась буржуазия, в действиях которой сиюминутный интерес взял верх над фундаментальными долгосрочными интересами. Неожиданным образом собственные интересы обрели в текущей игре и новые социальные силы — армия и пестрое сообщество люмпенов, которых Маркс иронично именовал *la bohème*. Иными словами, в той политической борьбе, которая развернулась во Франции накануне прихода к власти Луи Бонапарта, субъектную роль играли не только классы (хотя и они тоже), но и другие социальные группы, сформированные политической конъюнктурой и сиюминутными интересами политических игроков. Отменяет ли анализ Маркса общие идеи, изложенные в «Манифесте», подрывает ли он эвристическую силу понятия «класс», которое находится в самом основании марксистской теории?

Эрик Райт, один из наиболее влиятельных марксистов конца XX в., уверенно утверждает, что это не так [26, р. 12]. Общие концептуальные схемы и анализ социальных ситуаций не противоречат друг другу, как не противоречат друг другу анализ воды в конкретном водоеме и общая формула воды, которая позволяет понимать ее состав и свойства. Химик, узнавший формулу воды, получает инструмент, позволяющий после анализа состава воды в водоеме определить, какие примеси в ней находятся и как по ним можно судить о взаимодействии воды с грунтами, которые формируют берега и дно. Без этого инструмента было бы затруднительно строить гипотезы о том, как возник водоем и какие изменения он претерпевал под влиянием меняющихся климатических условий. Общие, или субстантивные, понятия, как они именуются в логике, формируют основу общей теоретической схемы и позволяют исследователю, двигаясь от нее, формировать программу исследования. В реальности во Вселенной нигде не отыскать воды, которая в точности соответствовала бы химической формуле, но это нисколько не смущает исследователей. Без субстантивных, основополагающих характеристик, воплощающихся в наборе ключевых категорий, затруднительно, если вообще возможно, создавать стратегию конкретного исследования и интерпретировать его результаты. Формула воды неизменна и определяет ее общие свойства, не имеющие временных границ; состав воды в любом водоеме лишь отчасти соот-

ветствует формуле и может меняться в зависимости от ситуации. Анализ состава воды необходим для того, чтобы определить, пригодна ли она для питья и как он изменился со времени прошлого замера.

В логическом плане в основе существования общих категорий лежит принцип тождества предмета самому себе, формирующий фундамент мысли как таковой и научного мышления в том числе, но он не отменяет изменчивости объекта. «Необходимость рассматривать предмет мысли как тождественный самому себе представляет собой один из важнейших принципов мышления (принцип тождества), — пишет Е.К. Войшвилло. — Формулировку его можно найти у Аристотеля: невозможно ничего мыслить, если не мыслишь (каждый раз) что-нибудь одно. При правильном понимании этого принципа он вовсе не находится, как иногда думают, в противоречии с признанием изменчивости предметов и не исключает возможности познания их изменений. Наоборот, изменения, переходы предмета из одного состояния в другое могут быть поняты и описаны лишь при условии, если точно зафиксировано, что именно подвергается изменению и что является результатом этих изменений» [4, с. 22–23].

Между макро и мезо: еще одна попытка теоретической трансценденции

Джорджа Ритцера беспокоил жесткий конфликт между социологами-марксистами и адептами структурного функционализма [20]. Идейные основания двух главных теоретических платформ социологии казались несовместимыми. Различались они не только идеологическими ориентациями, но и категориями, которые использовали для исследований современного общества. Обойти вниманием такую проблему, как неравенство, не могли ни те ни другие, но объяснения неравенства предлагались противоположные. Марксисты видели причины неравенства в противоречиях между классами, по-разному локализованными в измерениях собственности и господства. Структурные функционалисты считали, что неравенство — это следствие работы социальных институтов и в этом смысле неизбежное для общества явление, борьба с которым ведет к ослаблению социальной интеграции и разрушению общества. Желая преодолеть водораздел между двумя исследовательскими парадигмами, Ритцер предложил собственный мультипарадигмальный подход. Мультипарадигмальным он был не потому, что предполагал гибридное слияние двух парадигм (хотя такие попытки и делались), а потому, что фокусировал внимание на конкретных исследовательских задачах. Каких бы взглядов ни придерживался социолог, столкнувшись с конкретной научной задачей, он будет формировать первичные теоретические представления об объекте исходя из принципа соответствия, используя наиболее надежные исследовательские процедуры. Речь идет о том самом среднем уровне, который предваряет эмпирическое исследование и который не может отойти далеко от изучаемого объекта в его текущем состоянии. На площадке конкретного исследовательского проекта, считал Ритцер, возможно согласие по конкретным предварительным определениям объекта и предмета и, следовательно, по тем рабочим категориям, которые даются в его описании. Добившись относительного согласия, исследо-

ватели могут в конечном итоге преодолеть или смягчить имеющиеся между ними идейные противоречия. Такое свойство имеет «истина», если говорить высоким стилем, или «истинное положение дел», если использовать терминологию научной логики. Таким образом, категоризация как процесс описания объекта происходит не только своевольно, подчиняясь исследователю и его пресуппозициям, но и в ограничениях, налагаемых на социолога состоянием объекта и возможностями представить его с наибольшей точностью. Притяжение истинного положения дел таково, что логические процедуры, сопровождающие теоретизирование, ограничены определенным набором показателей, и только в этом случае аргументация исследователя будет принята как убедительная.

Заключение

В современной российской социологии теоретизирование сталкивается с рядом серьезных ограничений. Во-первых, российская социология с ее очередного идейного поворота в конце 1980-х, расставшись с тем, что она считала марксистским заблуждением, робко и неохотно использует категории, не имеющие прописки в признанных трудах зарубежных ученых. Эта привязка к наиболее сильным исследовательским программам тормозит процесс осознания собственно российских исследовательских программ, рождение социологической теории, ориентированной на российское общество.

Во-вторых, в российской общественной науке теоретизирование нередко замещается воспроизводством известных идеологических конструкторов, которые, как и следовало ожидать, имеют в основе категории, укорененные в измерении власти и политики. И хотя многие из этих конструкторов показали себя непригодными в описании российского общества, они тем не менее остаются опорными точками в публичной полемике о текущем моменте и будущем. Одна из особенностей этих конструкторов в том, что они носят предельно общий и часто метафорический характер, не имея адекватного референта в общественной жизни.

Иллюстрацией конфликта между идеологической схемой и потребностью в изучении реального положения дел служит дискуссия об «азиатском способе производства», развернувшаяся в России в 1920-е гг. Стройная марксистская классовая схема столкнулась с реальностью азиатских обществ и, в частности, с необходимостью вписать в нее бюрократию, не только обладавшую властью, но и осуществлявшую контроль над собственностью. С одной стороны, советские марксисты опасались (по понятным причинам) отходить от установленной «сакральной» схемы, устанавливающей стандартную аргументацию в области идеологии, а с другой — практическая политика диктовала необходимость приближения к наблюдаемой реальности. Противоречие между категориальным базисом идеологии и реальностью преследовало советское государство на протяжении всей его истории.

В-третьих, в тех категориальных схемах, которые используются в теоретизировании о российском обществе, преобладают дихотомии, которые, соприкоснувшись с реальностью, сразу же обнаруживают свою условность. Возьмем, к примеру, текущую дискуссию о социальной структуре российского общества.

С.Г. Кордонский и сочувствующие ему коллеги настаивают на том, что современная Россия представляет собой сословное общество [6]. Марксисты, считающие, что в России утвердился капитализм, полагают, что в основе значимых социальных различий лежат классовые противоречия. Появляются и другие схемы, которые опять же полагаются на одномерную, дихотомическую логику. Между тем нет никаких причин, по которым социальная структура не может рассматриваться как многомерная, как имеющая наряду с классовым сословные или культурные различия. Вопрос лишь в том, как уместить эту многомерность в одну теоретическую конструкцию, объясняющую и существующие противоречия, и неожиданные совпадения групповых интересов. Категоризация не обязывает к догматической эксклюзии, ее назначение в том, чтобы, сохраняя научную традицию, создать теоретический базис для понимания текущего состояния общества.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Черныш Михаил Федорович — член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, директор, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН). **Телефон:** +7 (495) 719-09-40. **Электронная почта:** chernysh@fnisc.ru

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. Vol. 31. No. 2. P. 9–28. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.2.1](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.2.1)

Research Article

MIKHAIL F. CHERNYSH¹

¹ Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS). Bl. 5, 24/35, Krzhizhanovskogo str., 117218, Moscow, Russian Federation.

CATEGORIZATION AS A FORM OF THEORIZING IN SOCIOLOGY

Abstract. Formalization of scientific knowledge is underlain by the process of categorization. Searching for the subject of a study is conditioned by the creation of relevant categories that name it, defining its contents and draw a line between the subject and other related categories. In the process of theorizing the subject acquires predicates — a collection of indicators that identify its contents and meaning. The process is tantamount to institutionalization of the subject and expansion of its description with the help of complex predicates of the second and third level. Hence the subject is embedded into a descriptive structure, formed by a set of interconnected scientific categories. The structure of theoretical categories and the empirical study are engaged in a complex theoretical interaction that imply a change of language constructs and a possible reduction of key concepts to facilitate the creation of empirical indicators. The contradiction between the theoretical construction and empirical, inductive basis of a study often led to a denial of the necessity and existence of the high-level conceptual structures that inform scientific reflection. Further complications were related to the fact that many categories used in sociology are metaphorical and therefore vulnerable to ideological manipulation. However, the praxis of sociology, as any other science, shows that high-level reflection and general categories are necessary. They sustain the continuity of research and allow to observe changed in the subject under study.

Keywords: theorizing; sociological categories; operationalism; predicates; sociological metaphors.

For citation: Chernysh, M.F. Categorization as a Form of Theorizing in Sociology. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 2. P. 9–28. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.2.1](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.2.1)

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the project “Quantitative and qualitative changes in the social structure in the post-Soviet period”, supported by the Russian Science Foundation (grant No. 24-18-00450).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail F. Chernysh — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sociological Sciences, Director, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS). **Phone:** +7 (495) 719-09-40. **Email:** chernysh@fnisc.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Александр Д., Смит Ф.* Сильная программа в культурсоциологии // Социологическое обозрение. Т. 9. № 2. 2010. С. 11–27. EDN: [NTYQKH](#)
Alexander J., Smith F. A Strong Program in Cultural Sociology. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. Vol. 9. No. 2. 2010. P. 11–27. (In Russ.)
2. *Аристотель.* Категории; Об истолковании / Пер. с древнегреческого А. Кубицкого, Э. Радлова. М.: Изд-во АСТ, 2023. — 160 с.
Aristotle. Categories; On interpretation. Transl. by A. Kubitskiy, E. Radlov. Moscow: AST publ., 2023. 160 p. (In Russ.)
3. *Будон Р.* Место беспорядка / Пер. с фр. М.М. Кириченко. М.: УРСС. 1998. — 283 с.
Boudon R. La Place de Desordre. Transl. from French by M.M. Kirichenko. Moscow: URSS publ., 1998. 283 p. (In Russ.)
4. *Войшвилло Е.К.* Понятие как форма мышления. Логико-гносеологический анализ. М.: Изд-во МГУ, 1989. — 240 с.
Voishvillo E.K. Concept as a form of reflection. Logical and epistemological analysis. Moscow: Moscow State University publ., 1989. 240 p. (In Russ.)
5. *Карнап Р.* Преодоление метафизики логическим анализом языка / Пер. А.В. Кезина // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 1993. № 6. С. 11–26.
Carnap R. The Elimination of Metaphysics Through Logical Analysis of Language. Transl. by A.V. Kezin. *Vestnik of Moscow University. Series 7. Philosophy.* 1993. No. 6. P. 11–26. (In Russ.)
6. *Кордонский С.Г.* Сословная структура постсоветской России (I часть) // Мир России. 2010. № 17 (3). С. 37–66.
Kordonski S.G. The Estate-based structure of post-Soviet Russia. Part 1. Mir Rossii. 2010. No. 17 (3). P. 37–66. (In Russ.)
7. *Лекторский В.А.* Конструктивный реализм как современная форма эпистемологического реализма // Философия науки и техники. 2018. Т. 23. № 2. С. 18–22. DOI: [10.21146/2413-9084-2018-23-2-18-22](#) EDN: [YVKKQP](#)
Lektorski V. Constructionist realism as a modern form of epistemological realism. Filosofia nauki i tekhniki. 2018. Vol. 23. No. 2. P. 18–22. DOI: [10.21146/2413-9084-2018-23-2-18-22](#) (In Russ.)
8. *Маркс К., Энгельс Ф.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е издание. Т. 8. М.: Госполитиздат, 1957. С. 115–217.
Marx K., Engels F. The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte. Collected works. 2nd ed. Vol. 8. Moscow: Gospolitizdat publ., 1957. P. 115–217. (In Russ.)
9. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е издание. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955. С. 419–459.
Marx K., Engels F. The Manifesto of the Communist party. Collected works. 2nd ed. Vol. 4. Moscow: Gospolitizdat publ., 1955. P. 419–459. (In Russ.)
10. *Фреге Г.* Избранные работы / Пер. с нем. М.: Дом интеллектуальной книги, 1997. — 159 с.

- Frege G. *Selected works*. Transl. from Germ. Moscow: Dom intellectualnoi knigi publ., 1997. 159 p. (In Russ.)
11. Фрэйзер Дж. Фольклор в Ветхом Завете / Пер. с англ. 2-е изд., М.: Политиздат, 1990. — 542 с.
Frazer J. *Folklore in the Old Testament*. Transl. from Eng. 2nd ed. Moscow: Politizdat publ. 1990. 542 p. (In Russ.)
12. Хантингтон С. Культуры — это серьезно // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. С. Хантингтона и Л. Харрисона; Пер. с англ. А. Захарова. М.: Московская школа политических исследований, 2002. С. 5–10.
Huntington S. Cultures are serious matter. *Culture Matters. How Values Shape Human Progress*. Ed. by S. Huntington and L. Harrison; Transl. from Eng. by A. Zakharov. Moscow: Moscow School of Political Studies publ., 2002. P. 5–10. (In Russ.)
13. Bourdieu P. *La Distinction. Critique Sociale du Jugement*. Paris: Les Editions de Minuit, 1979. 670 p.
14. Bridgman P. *Reflections of a Physicist*. N.Y.: Philosophical Library, 1955. 392 p.
15. Bridgman P. *The Logic of Modern Physics*. N.Y.: Macmillan, 1927. 228 p.
16. Davis K., Moore W. Some principles of Stratification. *American Sociological Review*. 1944. Vol. 10. No. 2. P. 242–249. DOI: [10.2307/2085643](https://doi.org/10.2307/2085643)
17. Giddens. A. *The Transformation of Intimacy*. Stanford: Stanford University Press, 1992. 212 p.
18. Hull C. The problem of intervening variables in molar behavior theory. *Psychological Review*. 1943. Vol. 50 (3). P. 273–291. DOI: [10.1037/h0057518](https://doi.org/10.1037/h0057518)
19. Kroeber A., Kluckhohn C. *Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions*. Cambridge: Museum, 1952. 223 p.
20. Ritzer G. *Sociological Theory*. 8th ed. N.Y.: McGraw-Hill, 2011. 827 p. DOI: [10.1002/9781444347388.ch6](https://doi.org/10.1002/9781444347388.ch6)
21. Searle J. *The Making the Social World. The Structure of Human Civilization*. Oxford: Oxford University Press, 2010. 224 p. DOI: [10.1093/acprof:osobl/9780195396171.001.0001](https://doi.org/10.1093/acprof:osobl/9780195396171.001.0001)
22. *The Theory of Social Action. Correspondence of Alfred Schutz and Talcott Parsons*. Ed. by R. Grathoff. Bloomington: Indiana University Press, 1978. 171 p.
23. Sorokin P. *Fads and Foibles in Modern Sociology and Related Sciences*. Chicago: Regnery Co., 1956. 357 p.
24. *The Idea of Social Structure. Papers in Honor of Robert K. Merton*. Ed by L. Coser. N.Y.: Routledge, 2017. 547 p. DOI: [10.4324/9781315132563](https://doi.org/10.4324/9781315132563) [1st published in 1975].
25. Tumin M. Some principles of stratification: A critical analysis. *American Sociological Review*. 1953. Vol. 18. No. 4. P. 387–394. DOI: [10.2307/2087551](https://doi.org/10.2307/2087551)
26. Wright E.O. *Classes*. L.: Verso, 1985. 344 p. DOI: [10.1016/S0002-9378\(85\)80136-8](https://doi.org/10.1016/S0002-9378(85)80136-8)

Статья поступила в редакцию: 15.12.2024; поступила после рецензирования и доработки: 08.05.2025; принята к публикации: 15.05.2025.

Received: 15.12.2024; revised after review: 08.05.2025; accepted for publication: 15.05.2025.